

Д. Н. Дубенский

**Опыт о народном русском
стихосложении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Н. Дубенский**
Опыт о народном русском стихосложении / Д. Н. Дубенский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 126 с.

ISBN 978-5-458-09208-1

ISBN 978-5-458-09208-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В В Е Д Е Н І Е.

Me in tenui re
Majores pennas nido extendisse loqueris? . . .

Horatius.

Со времени Тредьяковскаго, наши стихопворцы выражали свои мысли и чувствованія болѣе ямбами и хорями. Вопреки пиррихическому строенію Русскаго слова, избылующаго гласными короткими, споны сіи предполагають въ немъ сполько же долгихъ, сколько короткихъ слоговъ. Оставалось при недосматкѣ первыхъ замѣнишь ихъ искусственными долгими, ш. е. возвышашъ шихіе и приняшъ за средніе — высокіе тоны словъ, или — что все равно — считашъ за одно долгіе и короткіе слоги: отъ чего стихъ нашъ новѣйшій, напр. хорейскій, начинавшійся съ пиррихія, спашъ чувствительнo разнишья отъ стиха того же рода, выступавшаго съ хорей, напр.

— ° ° | ° — | ° — °
Росскими | лешишь | спранами
° ° — | ° — | ° —
На злшыхъ | крылахъ | молва;
— °
Солнца новаго лучами
° ° —
Освѣщашья Москва.

Такое стихосложеніе, не слѣдовавшее въ распредѣленіи стопъ пиррихическихъ между прочими стопами двусложными никакимъ правиламъ, чувствительно разстроивало тонъ піесы и плавность стиха: ибо существенно не было положено, на какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ можно допустить намъ сочетаніе пиррихіевъ съ ямбами и хорейми, чтобы стихъ одного размѣра не переходилъ въ другой? Греки дали стихамъ сего рода характеръ особенный, назнача въ нихъ господствующимъ стопамъ постоянныя мѣста, именно ямбама четныя, а хорейма нечетныя. Можно ли требовать гармоніи отъ нашего стопосложенія, когда принятыя въ ономъ правила ее нарушаютъ? Можно ли сказать, что наши ямбическіе стихи важны, хорейскіе быстры, живы, игривы, когда оба сіи стихотворные размѣра не имѣютъ надлежащихъ предѣловъ и одинъ въ другой вшекаютъ? Напр.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови
И какъ снѣгъ представь бѣлу;

Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою,
Но разставь ихъ межъ собою;

Сдѣлай хитростью своей
Какъ у дѣвушки моей.

(Ломоносовъ.)

Ежели сіи стихи хорейческіе, то безсмертный онецъ Русской поэзіи по собственному выраженію намѣревался піесъ дашъ ходъ скорый, быстрый, низходящій, падающій, и вопреки самому себѣ переваливался съ анапестами, восходилъ съ ямбами. Тому виною не Авторъ, но языкъ, или лучше сказать данное ему ложное римическое направленіе.

Возьмемъ въ примѣръ ямбическіе стихи А.

Пушкина :

.

Мы непростишельно смѣшны.
 Закабалась неоспорочно,
 Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
 Любовь въ безуміи зовемъ,
 Какъ будшо требовать возможно
 Опъ мошылковъ, иль опъ лилей
 И чувствъ глубокихъ и страстей.

Или.

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Спруистый исчезаешь кругъ

Или.

Негодование, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь
 И славы сладкое мученье —
 Въ немъ рано волновали кровь.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь достоинство мыслей, звонкость языка и свѣтлость идей опличнаго нашего Пшита; предметъ мой механизмъ стиховъ. Выбираю лучшіе, чтобы показать, какимъ образомъ наши лирическіе и

эпическіе исполины принуждены были сражаться съ пигмеями и побѣждены. Стихи сіи вѣрны по принятой римической системѣ правилъ, но осмѣливаюсь, слича съ народными стихотвореніями, не находить въ нихъ гармоніи, или лучше сказать, ладу въ основныхъ, возвышающихся звукахъ; иногда сила ихъ падаетъ на 4 й слогъ (закабалясь) иногда на 2 й (спруистый). Какими законами вычислимъ такое неравенство паденія? При томъ, слѣдуя тѣмъ же принятымъ правиламъ, не можемъ ли сказать, что въ стихахъ, начинающихся съ словъ: *мы непростительно, отъ мотыльковъ, негодованье* первая стропа есть дактиль, остальные хорейскія? — Ежели это такъ, то что значатъ наши ямбическіе и хорейскіе стихи?

Говорятъ, мы заимствовали свою просодическую стихотворную мѣру у Нѣмцовъ — положимъ; но они основали ее на глубокомъ изслѣдованіи роднаго языка. Все ли то хорошо у насъ, что идетъ имъ, и свойство обоихъ языковъ одно ли и то же? Совсѣмъ нѣтъ. Для чего не искашь намъ въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ законовъ и шайны стихотворнаго склада, не прислушиваться къ народной поэзіи, сотворенной, положимъ безъ всякихъ

предварительныхъ теорій, но гениемъ самага языка? Къ несчастію, съ иноземнымъ мы знакомились отъ самой колыбели, а къ Русскому природному холодны, какъ будто бы оно намъ было чужое.

Отъ такой безхарактерной формы; въ кошорую облеклась поэзія наша, вышло что-то неопредѣленное. Конечно, мы свои римо-ванные стихи споемъ, желая польстить слуху, сочешась прелестъ музыкальнаго слога съ изяществомъ мыслей, дасть имъ единство тона: прочтя любую новѣйшую Русскую пѣсню мы не угадаемъ, какой напѣвъ идетъ ей? Какой приличіе? Это должна уже рѣшить музыка, совѣщаясь съ мыслию, стихи ей мало помогутъ. Чишая старинныя Русскія пѣсни, мы предвкушаемъ, такъ сказать, ихъ тонъ весѣлый, заунывный, важный, игривый: ибо въ нихъ соединена музыка образованныхъ и необразованныхъ звуковъ и припомъ такъ, что

Не придуть гусли супротивъ пѣсенъ.

Осмѣливаюсь думать, что новѣйшее наше стихосложеніе удержалось до сихъ поръ по сходству своему съ древнимъ складомъ нашихъ пѣсенъ: въ нихъ можно приискать примѣры для всѣхъ принятыхъ шеперъ размѣровъ, съ шюю разностию, что они могутъ споповаться и по онимъ, а сверхъ того имѣ-

юшъ свой особенный ладъ, гораздо правильнѣе и слышнѣе обозначенный. Въ стихѣ чувствуемъ два, или три коренные тона, которыхъ подчинены другіе стихіе въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, въ совокупности образующіе музыкальную плавность цѣлой пѣсы. Выгода отъ такого размѣщенія различныхъ выходокъ голоса состоить въ удобствѣ запомнишь пѣсню легко и скоро, весьма важная для народа и для вѣковъ безграмотныхъ, когда сокровища воображенія и чувства умныхъ предковъ съ быспрошою молніею распространялись по націи и въ попомствѣ единственна — сдѣль живымъ орудіемъ. Не менѣе выгодно такое римическое строеніе рѣчи для напѣва, или голоса пѣсни; ибо его удобнѣе можно перенять и запомнишь, ежели сила словъ занимаетъ опредѣленные мѣста, и слѣд. быспроша или медленность короткихъ, стоящихъ между долгими, сами собою опредѣляются. На сей-то складъ попадають наши четверостопные и другіе ямбическіе и хорейческіе стихи, когда не спанемъ ихъ споповать, а прочтемъ, какъ поселяне свои пѣсни, т. е. когда въ каждомъ стихѣ, какъ періодѣ, заключающемъ одну, или двѣ мысли, возвысимъ голосъ въ словѣ, важнѣйшемъ по идеѣ, одинъ разъ. напр.

Не колыхнешь Волховъ шемный,
 Не шелохнешь лѣсъ и холмъ. (Державинъ).

Или.

Лукъ звенишь, стрѣла пренецещь
 И, клубясь, издохъ Писонъ,
 И твоя ликъ побѣдой блещеть,
 Бельведерской Аполлонъ. (А. Пушкинъ).

Или.

Побѣдительница смертныхъ
 Не имѣя силъ шерсть,
 Красоты, побѣдъ несмысленныхъ,
 Поразила Майну — смерть,
 Возрыдали вокругъ Эропы...
 (Державинъ).

По новѣйшей римической системѣ нашей стихи сии четверостопные, корейческіе, собственно же они, подобно нашимъ народнымъ пѣснямъ, двустопные изъ 3 го пеона, женскіе, и изъ 3 го пеона и анапеста мужскіе:

Лукъ звенишь стрѣла пренецещь

И Клубясь издохъ Писонъ и пр.

Побѣдительница смертныхъ и пр.

Ямбическіе стихи отвѣчаютъ двустопнымъ изъ 4 го пеона, напр.

Не лобызай меня такъ страшно,

о о о — | о о о —
Такъ часто нѣжный милый другъ!

о о о — | о о о — о
И не нашептывай всечасно. . . и пр.

о о о — о о о — Державинъ.
Пополнена | запружена (Одесса)

Или изъ 2хъ ямбовъ и 4го пеона:

о — | о о о — | о —
То полный разобравъ колчанъ.....

А. Пушки.

Или.

о — | о — | о о о —
Алмазна сыплѣтся гора

о — | о о о — | о — о
Съ высотъ чепырема скалами.

Шестистопный ямбическій отвѣчаетъ
нѣкоторымъ образомъ древнему сказочному,
ежели къ сему послѣдному прибавить слогъ
короткій сначала полустипій:

о о о — о о о о — о
Ахъ погоди весна | моей души веселье

о о о — о о о о — о о
Свою нѣгою | дай напишась мнѣ,
Да не увяну я | подъ пылкимъ зноемъ лѣта.

Ө. Глинка.

Самое сочешаніе нашихъ стиховъ, или
привишіе къ нимъ рѣмы едвали вездѣ выдер-
жить критическій судъ. Женскіе ямбическіе
стихи у насъ оканчиваются хорейми, а муже-
скіе хорейческіе — ямбами, по же было въ народ-
ныхъ Русскихъ стихотвореніяхъ; но здѣсь это
не мѣшало стройности стиха, и окончанію его

почти всегда отвѣчала предыдущая стропа падениемъ напр.

о о — о о о о — о о
Во чужихъ людяхъ | жить умѣючи

— о о — о о
Держать голову поклонную

— о о — о о
Решиво сердце | покорное.

Лучшіе наши пѣишы чувствовали это, когда писали :

— о — о
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Клю все Собою наполняешь,
Объемлешь, жидешь, сохраняешь
(Державинъ).

Или.

— о — о
Въ пустынь попошь раздаешь
Съдой пошокъ предъ нимъ шумишь
(А. Пушкинъ).

Время заглянушь намъ въ свою національную сокровищницу, куда нѣсколько поколѣній склали свои любимыя привычки, родной бытъ, обычаи, доблести народныя, проявя все это въ простой, самостоятельной пѣишической формѣ, образовавшейся по такту — сердца.

Ежели мнѣ посчастливилось поселишь въ юныхъ писателяхъ хотя нѣкошорую любовь къ роднымъ нашимъ размѣрамъ : я достигъ

своей цѣли. Касаясь своего предмета слегка, признаюсь, излиль свои мысли наскоро при первомъ возрѣніи на Русскія пѣсни: что могутъ сдѣлать при свѣшльникѣ здравой критики знаменитые наши филологи, у которыхъ болѣе дарованій, болѣе познаній, средствъ и пособій!

ПРАВИЛА РУССКАГО СТИХОСЛОЖЕНІЯ.

Мѣрную, или стопованную рѣчь обыкновенно называютъ стихами, и различаютъ ихъ по роду, числу стопъ и по силѣ окончательнаго слова въ стихѣ.

По роду стопъ Русскіе стихи бываютъ 1) ямбическіе 2) хорейскіе 3) анапестическіе, 4) дактилическіе и 5) смѣшанные, какковы пеоническіе, амфибрахическіе и пр.; по числу стопъ: шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные, двухстопные и одностопные; по силѣ конечной стопы стиха: мужскіе, женскіе, дактилическаго и прибрахическаго окончаній.

Стихъ есть рѣчь, состоящая изъ извѣстнаго числа стопъ, опредѣленнымъ порядкомъ расположенныхъ.

Стопа есть часть стиха, опредѣляемая извѣстнымъ количествомъ слоговъ короткихъ, или долгихъ, или шѣхъ и другихъ вмѣстѣ.